

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Космический зоопарк

А вы бывали когда-нибудь в зоопарке? Уверен — бывали. Люди, возомнившие себя Богами, упрятали в клетки разнообразных представителей своей фауны. Для чего их посадили в тюрьму и за что? Чтобы любоваться, а за что? Просто так. Космические пришельцы, обладая точно такой же моралью, собирали свой зоопарк. И я, Юрий Арнольдович Шпицхельгрубер, был сворован ими с Земли, как представитель тамошней фауны. Почему именно я? Не знаю. Клетки в инопланетном зоопарке были немного другие. Там не было привычных металлических прутьев. Они были изготовлены из неведомого мне прозрачного материала, а может, это были силовые поля? Мне сие неведомо. Периодически клетки пополнялись очередным экспонатом. Я был последним. Справа от меня уходил в бесконечную даль ряд помещений, заполненных разнообразными инопланетными существами. Некоторые были заполнены водой для морских животных, в других был какой-то полупрозрачный газ. Иногда нас партиями выводили на прогулку. Не всех, а тех, для кого была подходящая по составу атмосфера. Именно в такие моменты мне удавалось разглядеть многие камеры и своих соседей.

Слева от меня были пустые, но я пребывал в уверенности, что они вскоре заполнятся. Где всё это находилось? Не знаю. Может, на космическом корабле, а может, на какой-то планете. Но точно не на моей родине. Притяжение немного отличалось, и воздух был явно неземного вкуса. Еда была непонятного происхождения, а время сильно отличалось. Думаю, в сутках хозяев-инопланетян было около тридцати земных часов. Так я ощущал время. У меня не было привычных земных вещей. Ни кровати, её прекрасно заменял мягкий тёплый пол; не было стола, но еду приносили в посуде с похожими на земные ложками. Туалет был в углу. Стоило мне приблизиться к нему, как все стены моей камеры чернели. На мне была одежда: шорты и подобие футболки. Раз в пять дней они менялись по цвету и фасону, сразу после умывания, которое происходило прямо в камере.

Я уже привык к тамошнему распорядку, пробыв в своей тюрьме около семидесяти дней по инопланетному летоисчислению. Отмечать мне их было негде, поэтому я придумывал к ним разные названия. Итак, по истечении примерно седьмого десятка моего пребывания в зоопарке в соседнюю камеру привели женщину-кошку. Нет, у неё не было лап. Она не ходила на четвереньках. Инопланетянка была прямоходящая и более походила на человеческую женщину, если бы не густая золотистая шерсть с серебряными искорками. Шерсть была короткой, она словно топорщилась на её теле. Однако миленькое личико с кошачьим носиком было лишено растительности. У кошки был небольшой хвост, примерно в три моих ладони. На её ладонях тоже наблюдалось отсутствие растительности. Зато элегантно отточенные коготки были покрыты алым лаком. На губах лежал слой помады. Остального я разглядеть не мог. Оно было скрыто одеждой.

Признаюсь, у меня давно не было женщины. Мастурбировать я не смел, боясь, что за мной наблюдают хозяева, точнее — стеснялся. Но увидев неземную красоту, мне захотелось её. Я живо представил её груди. Вдруг они тоже лишены шерсти? При этом мне не было доподлинно известно, какова её шерсть, гладкая и пушистая или твёрдая и упругая. Я не знал, чем от неё пахнет. Стены камер обладали не только полной звукоизоляцией, но и отсутствием

проникновения посторонних запахов. Главное я не ощущал себя скотоложцами-зоофилом. Ведь по всему было видно, что она разумна. Была очень красива даже по земным меркам. И кто мог меня осудить в моих мыслях? Я находился неизвестно на каком расстоянии от Земли. Меня осудила она. Женщину-кошку звали Кайолин. Кайолин обладала телепатией, но это было неведомо нашим хозяевам. Она отвернулась от меня и небрежно помахивая хвостом, медленно проговорила у меня в мозгу.

— Юра, ты думаешь обо мне, как о распоследней земной шлюхе, но я не такая.

Затем она пояснила мне, что читать мысли хоть и может, но это противоречит её морали. Она предпочитает разговаривать в чужом сознании и попросила, чтобы я невольно не выдал её. Затем она показала себя абсолютно голой в моём мозгу. Её грудь не имела растительности, а соски были окрашены в красный цвет. Хотя и хотела попробовать вкус моего нектара, предпочла оставить это на потом.

Быстро развернувшись, она стала целовать меня в губы, поводя своим телом из сторону в сторону. Она тёрлась своей грудью о мою. Нам это нравилось. Её небольшие ушки тоже оказались сплошной эрогенной зоной. Ухватив их руками, я мямил и пощипывал их, страстно целуя прекрасное личико и губки моей кошечки. Не могущая более терпеть таких любовных издевательств над собой, Кайолин ухватила мой член в свою руку и направила его в свою узенькую щёлочку. Не знаю, была ли она девственницей, но нам пришлось хорошенько потрудиться, пока я вошёл до упора. Немного попривыкнув, мы начали заниматься любовью. Я по-прежнему не чувствовал себя извращенцем. Дева, покрытая с ног до головы золотистой шерстью, с огромными кошачьими глазами — правда, зрачки были круглыми, ушками, торчащими над головой и премиленьким хвостиком, вызывала у меня вождение и я, кажется, влюбился в неё с первого взгляда. К тому же, никто нас не мог осудить, даже если бы и видели.

Мы любили друг друга со всею страстью, на какую были способны. И кончили одновременно. Я ещё долго чувствовал, как сокращалась вагина моей кошечки и как конвульсивно подёргивался её хвостик, зажатый в моей руке. Затем она порывисто соскочила и... прошла сквозь стену в свою клетку. Мы быстро оделись. Вероятно, Кайолин почувствовала что-то неладное. Затем она послала мне воздушный поцелуй, сделав это по-кошачьи. Прикоснувшись своими пальчиками к губам и повращав кистью, как бы кинула его мне. Я же сделал это по человечески — подув на ладонь.

— Спокойной ночи мой любимый, — прозвучали слова моей кошечки у меня в мозгу.

Она легла на пол спиной ко мне и помахала ласково хвостиком, как бы говоря: «До свидания!»

Признаюсь, я тоже сильно устал и, отвернувшись от неё, тут же уснул, пожелав ей мысленно: «Спокойной ночи».

Следующим днём был прогулочный. Передние стены наших с Кайолин камер замерцали и как бы растворились, приглашая нас выйти. Обитателям зоопарка запрещалось приближаться друг к другу более чем на полметра. Нарушителей начинало бить током или каким-то полем. Было довольно ощутимо и больно. Однако наказание не касалось того, к кому приближались.

Вскоре группа инопланетных созданий в количестве более ста человек, встала внутри

очерченного круга на полу. Круг мягко выдвинулся наружу, превратившись в платформу и со страшной скоростью полетел вверх. Через несколько минут мы оказались в саду. Сад представлял зоопарк фауны. Земные растения терялись в его кущах. Для меня было игрой отыскивать их каждый раз, потому что интерьер менялся постоянно. Многие инопланетяне поступали точно также, бродили по тропинкам с буйной инопланетной растительностью в поисках своего — родного. Я старался запомнить таких людей. Пусть их тела вызывали страх и ужас для землянина, но вероятно, их мораль была схожа с моей. А те, которые бесцельно бродили по саду, вызывали у меня опасение. Именно их представители в первые дни набрасывались на особей, которые были им неприятны по внешности. Получив отменный удар током, они более не делали таких попыток.

Фауна моей кошечки по стечению случайных обстоятельств была рядом с моими берёзкой и дубочком. По другую сторону от земного пятачка росли малина, крыжовник и цветы. Их можно было трогать, нюхать, но рвать категорически воспрещалось. На пятачке Кайолин росли подобия пальм и сиреневые кустарники с алыми цветочками. Девушка обрадовавшись, протянула руку, чтобы сорвать один из них.

— Не надо, милая! — закричал я в своём мозгу.

— Я знаю, — показывая мне в сознании улыбающегося земного котёнка с бантиком, — ответила она, — я должна им показаться глупой.

Вскоре она была наказана. Цветок девушке сорвать не удалось. Она получила отменный удар током и замяукала по-кошачьи от боли.

Но это был спектакль для невидимых хозяев. В моём сознании она мне подмигивала и улыбалась.

Сделав обиженную мордочку, киска подошла ко мне, как бы прося защиты, но стоило ей приблизиться ко мне ближе чем на полметра, как сильный удар током откинул её от землянина. Скорчив недовольную мину женщина-кошка повторила попытку, на сей раз вытянув руки для объятий. Обычно никто не пытался это делать более двух раз. Здесь не было неразумных животных. Все пленники зоопарка обладали разумом. Им не нужно было вырабатывать рефлекс. Но горделивая упрямец не оставила своих попыток. Она вновь и вновь пыталась пасть в мои объятия, как бы прося защиты. Я не знал, что мне делать. Просто стоял и наблюдал за её тщетными попытками. Но хозяева лишились сжалиться над упрямецей. Мы обнялись. Нежные лапки Кайолин гладили мою спину, я же взял в свою руку её хвостик и проводил ладонью по нему сверху вниз. Девушка вжалась своей мордочкой в моё плечо и нежно постанывала: «Муа-а, му-а, мяу-у-у, му-р-р-р». Мы стояли обнявшись, не замечая ничего вокруг, и нам не было ни до кого дела. Я закрыл глаза и поплыл на волнах удовольствия от ощущения её тела, слившегося с моим.

Прогулка закончилась. Платформа унесла всех назад в камеры, но нас не принуждали покинуть сад. Напротив, хозяевам было интересно понаблюдать за любовью представителей двух разных рас. Они показали нам стилизованные картинки. Будто тени от свечки на стене. На них фигурка человечка стоявшего боком с палкой между ног, втыкала её в ушастую фигурку кошки. Куда уж понятней?

— Ты сделаешь это? — хитро улыбаясь, спросила меня моя кошечка, — я знаю ты очень стеснительный.

— Сделаю, — сказал я, — если ты этого тоже хочешь.

— Хочу ли я? — спросила Кайолин. — Ах, мой любимый! Я желаю этого очень сильно, так

сильно, что мне плевать, что кто-то наблюдает за мной. Раздень меня ласково и нежно, мой Юрочка.

Моя кошечка была слишком не последовательна в своих действиях. То она просила меня скрывать от наших хозяев, то разговаривала на моём языке без боязни. Впрочем, может она хотела скрыть свою особенность умения передавать и принимать мысли. Мне надоело раздумывать. Я стал нежно и бережно раздевать свою любовь. Её хвост зажил своей особенной жизнью. Будто он был отдельным живым существом. Он то вращался, то трепетно подёргивался, иногда замирая, приняв несуразные формы в виде полукольца, или штопора для открывания бутылок. Моя девочка была ниже меня почти на голову и мне прекрасно были видны его танцы, пока я снимал с неё подобие блузки. Мне подумалось — имей я хвост, он бы точно так же танцевал. Мне даже стало жалко, что у меня его нет. Мне не хотелось, чтобы моя кошечка была похожа на меня. Мне хотелось быть похожим на неё. Нежно целуя её глазки, ушки и носик, я тёрся своим лицом о её золотистую шерсть, продвигаясь к оголённой груди. Как оказалось, её мех тоже мог жить своей собственной, особенной жизнью. Стоило мне замереть, едва касаясь его щекой, как он стал меня ласково поглаживать то сверху вниз, то из стороны в сторону. Это было не передаваемое ощущение. И если бы мне не хотелось поскорее почувствовать своими губами медвяный вкус её сосков, то так бы и стоял наслаждаясь.

— Мой любимый, — сказала женщина-кошка у меня в мозгу, — я вовсе не хочу, чтобы у тебя был хвостик и ты был бы покрыт шерстью как я. Мне нравится твоя гладкая кожа. Она так приятна на ощупь, — нежно целуя меня в шею и плечо и глядя руками мою безволосую спину, ворковала она, — нет, я не читаю твои мысли, просто ты не думаешь, а говоришь это в своём сознании. Ты ведь хотел сказать мне...

Вслух она попросила поскорее снять с неё шорты и раздеться самому. Я быстро претворил её желание в жизнь. Мы слились, растворились в объятиях. Разные участки её шёрстки ласкали меня. Это было так приятно — словами не передать. Я старался отогнать мысль, представляя, как занимаются любовью разнополые представители её расы, но она прочитала её и сказала: — Я мутант, Юрочка. Они не такие, как я. Я одна из немногих, кто выжил после глобальной катастрофы. Моя раса практически уничтожила себя в атомной войне. Но не буду об этом. Главное в другом. Я люблю тебя и хочу того же от тебя. Уложи меня на травку и начни любить.

Исполнить её несказанную просьбу вслух было счастьем для меня. Мы лежали на боку друг перед другом. Её хвостик покоился в моей руке. Я ласково проводил по нему открытой ладонью, поглаживая и пожимая его, зная, что моей любовнице это страшно нравится. Мои губы покрывали страстными поцелуями не только оголённые участки её тела, но и те, которые были покрыты золотистой шёрсткой. Иногда мех прогибался, реже — раздвигаясь, поигрывал волосками с моими губами. Это тоже было очень приятно и возбуждающе. Ручки моей кошечки не лежали без дела. Они гладили моё безволосое тело, заставляя мурлыкать хозяйку от удовольствия. Вскоре мои шарики и ствол оказались в её лапках и она стала их нежно поглаживать и пожимать. Конечно, это не могло продолжаться долго. Ухватив её за сладкую попу, притянул к себе. Она тут же направила мой затвердевший член к себе в щелочку. В этот раз он проник в её норку почти без сопротивления. Там ему было сладко и тепло. Я тут же начал двигаться навстречу наслаждению, даря его себе и своей возлюбленной. Она помогала мне, закинув свою пушистую ножку мне на бедро. Вскоре мы оба замурлыкали

от наслаждения. Кажется, я замяукал, что немного рассмешило мою любовь. Мы ещё долго лежали, сцепившись руками и не отпуская свои тела.

Конечно, это не могло продолжаться вечно. Стоило нам только расцепить объятия и встать на ноги, как с неба полилась вода. Хозяева решили, что нам надо помыться. Потом подул горячий ветер. Наша одежда исчезла, появилась новая. Одевшись, взявшись за руки, двое влюблённых перешли на платформу, которая быстро доставила нас домой. Только одна дверь мерцала. Это была моя камера. Переглянувшись с Кайолин, мы рука об руку вошли в неё. Нам никто не мешал. Смежные с соседними камерами стены посерели и стали непрозрачными. Хозяева космического зоопарка впервые позволили находиться в клетке парочке